СТОЛП КУЛЬТУРЫ

150 лет назад родился Игорь Грабарь

ПОЛТОРА ВЕКА НАЗАД 25 марта в Будапеште, в семье русино-венгерского юриста Эммануила Ивановича и галицкой русофилки Ольги Адольфовны родился человек, которому суждено было встать во главе движения, сохранявшего русскую культуру в самый мятежный век истории России. Всё детство Игоря семья Грабарей скиталась по Европе, вынужденная скрываться от властей Австро-Венгрии, пока не осела в Рязанской губернии. Юный Игорь вместе со своим братом Владимиром хотел стать юристом, но ещё на ранних этапах изучения юриспруденции он ощутил тягу к живописи. Результатом этого стала долгая и успешная карьера художника и близкое общение с самыми видными деятелями искусства своей эпохи. Революцию Грабарь застал в статусе не только именитого художника, но и флагмана искусствоведения того времени. Первая версия "Истории русского искусства", написанная Игорем Эммануиловичем в 1910 году, всё ещё не утратила академической актуальности, а монография, посвящённая работам Валентина Серова, была написана вскоре после смерти художника и полна глубоких выводов, ставших следствием близкого знакомства автора и объекта исследования. Революция изменила жизнь Грабаря — он остро ощутил необходимость противостоять стихии хаоса и разрушениям, вызванным Гражданской войной. В июне 1918 года Грабарь стал инициатором создания Всероссийской комиссии по сохранению и раскрытию памятников древнерусской живописи. В период крушения старых порядков, отказа от прежних ценностей и уничтожения любых напоминаний о "мире насилья" Грабарь сумел собрать вокруг себя цвет отечественной научной реставрации того времени: и выдающихся ученых-искусствоведов, и опытных реставраторов-практиков. Целью работы Комиссии стала организация охранных и реставрационных работ на всей территории РСФСР. В этом деле Грабарь взял на себя, пожалуй, самую тяжёлую задачу — он старался убедить молодую и яростную советскую власть, полную решимости разрушать и жечь, в том, что церковная живопись имеет не только религиозное, но и историческое значение, что сохранение памятников старины важнее тотального искоренения несовместимого с марксизмом православия. Составляя программу действий, Игорь Грабарь считал необходимым начать с проведения планомерных обследований древних городов — центров русской средневековой культуры. В первую очередь предполагалось исследовать "пределы былой суздальской земли" — территорию Владимирской, Ярославской, Московской и Нижегородской губерний. Как писал сам Грабарь,

"…Я перенёс всю энергию на дело создания органа, который мог бы внести порядок в общемузейное дело России и наладить охрану памятников искусства и старины… Это дело увлекло меня всецело… Одновременно в широком масштабе я веду дело научных реставраций, архитектурных и живописных".

За относительно недолгое время в обстановке политических потрясений Грабарю удалось сформировать дееспособную организацию и впервые в истории России создать систему государственного управления сферой охраны и реставрации практически всех видов памятников искусства. Кроме иконописно-реставрационной мастерской при Коллегии по делам музеев при содействии И.Э. Грабаря был создан целый ряд реставрационных мастерских. В 1922 году Комиссия была преобразована в Центральные реставрационные мастерские (ЦРМ), а в 1924-м созданы единые Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) с филиалом в Ярославле.

Осуществлению планов работы мастерских помешало резкое ухудшение и до того непростых отношений реставраторов с властями. Само стремление сохранять памятники прошлого вызывало подозрения у представителей партийного руководства. Ещё в период Гражданской войны Грабарю нередко приходилось прибегать к заступничеству Натальи Седовой, супруги Льва Троцкого. Для получения самых необходимых реставраторам материалов была нужна помощь Седовой и Луначарского. С конца 1920-х сотрудники музеев и реставраторы начинают ощущать на себе возрастающее идеологическое давление. 20 августа 1928 года выходит постановление ВЦИК и СНК РСФСР "О музейном строительстве в РСФСР", которое наряду с обоснованными рациональными предложениями об увеличении финансирования музеев и о подготовке кадров музейных работников провозглашало борьбу с "неудовлетворительным с точки зрения задач социалистического строительства" идеологическим содержанием музейного дела.

Это постановление послужило началом кампании по постепенному сворачиванию деятельности ЦГРМ, драматическим образом отразившемуся на судьбе многих сотрудников.

В 1929 году, когда заместителем директора ЦГРМ стал член ВКП(б) художник Владимир Якуб, началось фактическое устранение Игоря Грабаря от руководства Мастерскими. В сложившейся ситуации Грабарь был вынужден подать прошение об отставке, объясняя своё решение желанием сосредоточиться на научной работе и занятиях живописью.

В 1934 году ЦГРМ были закрыты, а некоторые реставраторы арестованы. Мотивировалось это тем, что под видом восстановления памятников церковной живописи учёные занимались религиозной пропагандой. Казалось, что главное детище Грабаря пущено по ветру, а все усилия по его созданию за несколько месяцев обратились в ничто. Но самый страшный поворот русской истории XX века стал моментом перерождения разрушенных мастерских.

Во время Великой Отечественной параллельно с продвижением советских войск на запад становилось всё более очевидным, что вместе с городами и деревнями в руинах оказались ещё и тысячи памятников культуры. Многие памятники были безвозвратно утрачены, другие — вывезены за рубеж, растасканы по частным коллекциям, проданы в неизвестные руки. Оказались разрушены прекрасные дворцы, выжжены садовые ансамбли, взорваны старинные колокольни. Захватчики не руководствовались стратегическими, логистическими или военными интересами, ими двигала не логика или рациональный расчёт — они уничтожали все намёки на "варварскую культуру", выжигали из оккупированной земли саму её суть. В этот момент государство резко меняет своё отношение к делу реставрации ценностей и вот уже Молотов требует от Совнаркома организовать реставрационную мастерскую. С задачей создания мастерской, способной в должной степени восстановить разрушенное и сохранить спасённое, мог справиться лишь один человек, не оставлявший мечту о возрождении деятельности Мастерских даже в самые сложные времена. Так, уезжая в августе 1941 года из Москвы в эвакуацию, он пишет председателю комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров М.Б. Храпченко:

"Я чувствую, что не исполнил бы своего долга, если бы, уезжая на неопределенное время — будем надеяться, что не на долгое, — из Москвы, не обратился бы к Вам с горячей просьбой пересмотреть вопрос о непонятной ликвидации большого советского дела — Постоянной реставрационной комиссии при Комитете [по делам искусств при СНК СССР]".

И.Э. Грабарь среди членов объединения «Мир искусства». Художник Б.М. Кустодиев. 1916 г.

В 1944 году Грабарь в очередной раз стал центром консолидации разрозненного и разбитого сообщества советских реставраторов. Вытаскивая с фронтов и из тюрем, находя в нищете, забвении и опале, он вновь собирает старую гвардию для осуществления самого важного задания в их жизни. Реставраторы шли следом за наступающими красноармейцами и принимались за работу в ещё не остывших руинах городов — их война только начиналась. Грабарь стал художественным руководителем возрождённой мастерской, при этом не оставляя научной и исследовательской деятельности. Ещё шла война, когда Грабарь добился учреждения Института искусствознания, собравшего под одной крышей учёных, позже ставших авторами монументального исследования — второй версии "Истории русского искусства". Разросшееся до 13 томов научное издание стало главным наследием Грабаря-учёного — наиболее подробная ретроспектива развития русского искусства со времён древних славян и до советского периода по сей день считается самым всеобъемлющим и всесторонним описанием становления русской художественной культуры.

Главный же magnum opus Грабаря-художника, Грабаря-реставратора и Грабаря-организатора стоит на пересечении Бауманской улицы и улицы Радио. Центральная художественно-реставрационная мастерская, которой руководил Грабарь, ныне зовётся Всероссийским художественным научно-реставрационным центром. С 1961 года Центр носит имя своего основателя — академика И.Э. Грабаря. Основная ценность ВХНРЦ сегодня — наряду с богатой историей и обширным списком отреставрированных экспонатов, в число которых входит "Троица" Андрея Рублёва и Боголюбская икона Божией Матери, — мастера реставрации, работающие в Центре.

Основные принципы системы подготовки кадров заложил ещё сам Игорь Грабарь. Своими внешними чертами она напоминает уклады средневековых гильдий и мастерских. Происходит постепенное и планомерное взращивание молодых специалистов под постоянным присмотром опытных наставников. Это обеспечивает преемственность поколений мастеров, которая позволяет отслеживать своеобразную родословную, восходящую к собранному Грабарём кружку энтузиастов. Игорь Эммануилович Грабарь положил начало отечественной школе научной реставрации, которая в своём современном виде оказалась востребована по всему миру. Реставраторы ВХНРЦ помогали спасать памятники в пострадавшей от наводнения Флоренции, реставрировали сокровища Дрезденской галереи. Работали в Италии, на Кубе, в Греции и в Египте. В мастерских Центра постоянно проходят стажировки реставраторы как российских, так и зарубежных музеев. Сегодняшний Реставрационный центр имени Грабаря является флагманом государственной политики в области реставрации движимых памятников истории и искусства. Центр представляет собой сложную, разветвлённую структуру, включающую 12 реставрационных мастерских, научные лаборатории, отдел научной экспертизы, архив и фототеку. Созданы филиалы ВХНРЦ в Архангельске, Вологде и Костроме. Ежегодно Центр сотрудничает более чем с 300 музеями со всей России, а через руки реставраторов проходит более тысячи исторических памятников. Продолжением традиций, заложенных Грабарём, является и просветительская деятельность. Так, в здании на улице Радио проходят регулярные выставки, где представлены экспонаты, отреставрированные в мастерских Центра. Специалисты проводят мастер-классы и экскурсии, в ходе которых делятся секретами реставрационного искусства. 2020 год вынудил часть этих активностей переместить в онлайн — так появились виртуальные экскурсии и реставрационные видеоконференции. Сегодня всё постепенно возвращается к норме, и на улице Радио вновь работает выставка "Восток — дело тонкое", посвящённая опыту работы с наследием Японии, Китая и Калмыцкого ханства.

Елена ПРОХАНОВА,
заведующая отделом по научно-методической и выставочной деятельности ВХНРЦ имени академика И.Э. Грабаря

ТАК ГОВОРИТ ГИРЕНОК

СЕНСОРИУМ И МЫ

На обломках «осевого времени»

ТО, ЧТО происходит в мире сегодня, понимает тот, кто понимает, что происходит в философии. А что происходит в философии? Сначала философия отказалась от идеи гуманизма эпохи Просвещения. Потом она поставила под вопрос существование Нового времени. Затем последовал отказ от христианской Европы. И вот, наконец, пришла весть о конце "осевого времени". Забвению были преданы библейские пророки и греческие философы. Технологическое применение науки уравняло христианство, мусульман, буддизм и даосизм. Среди обломков "осевого времени" как старые и ненужные вещи находятся философия истории, космизм и посткосмизм. Человечество, видимо, когда-то заблудилось и оказалось в сумрачном пространстве бесконечного тупика в ситуации, называемой шахматистами патом.

Чем теперь занимается современная философия? Прежде всего, она ищет выход из тупика. Где она его ищет? Она его ищет в ответе на вопрос о способе существования доосевого человека. Вместе с поисками ответа на этот вопрос современная философия озаботилась судьбой постосевого человека и вероятностью скорой антропологической катастрофы. Другими словами, современная философия перестала быть онтологией и стала антропологией, то есть, вся современная философия отныне сводится к ответу на вопрос "Что есть человек?"

ОТКАЗ ОТ ВОПРОСА "ЧТО ЕСТЬ СУЩЕЕ?"

Философия как онтология создана усилиями Парменида. Что сделал Парменид? Он отождествил бытие и мысль о бытии. Что мы получили благодаря этому тождеству? Благодаря этому тождеству мы получили науку и атомную бомбу.

Что значит мыслить, с точки зрения Парменида? Это значит мыслить бытие вне времени. А что делают люди? Они делают глупости. Почему? Потому что они привыкли мыслить бытие во времени. Поэтому, с точки зрения Парменида, человек не мыслит. В тождестве Парменида встретились нечеловеческое бытие с нечеловеческой мыслью. Эта встреча и определила судьбу европейской цивилизации. Что это за судьба? Знать природу ценой незнания человека.

В тождестве Парменида не было такой трещины или такого зазора, в котором могла бы поместиться человеческая мысль. Первым это понял Протагор. Понял и объявил, что реальность — это всё то, что нам кажется реальным. Но самое главное открытие сделал Аристотель. Что он понял? Он понял, что в тождестве Парменида нет места для сущего, для того, что просто есть. То, что просто есть, не совпадает с мыслью о том, что есть. Мысль о дереве — это не дерево. Бытие одно, а вещей много, но почему? Почему вообще вещи есть? Ведь достаточно одного бытия, чтобы быть. Поэтому не понятно, сказал Аристотель, почему вообще что-то есть, а не ничто. Тождество бытия и мысли означает только то, что бытие даёт существование мысли, а мысль даёт бытию осмысленность. С тех пор философия искала ответ на один вопрос, а именно: "Что есть сущее?" Она его искала две с половиной тысячи лет. Пока Ницше не сказал, что суть сущего в воле к власти, тем самым завершив историю европейской метафизики. Западную мысль никоим образом не беспокоил вопрос о том, что есть человек. Протагор, отклонивший мысль о тождестве, был презрительно назван софистом, хотя он был антропологом. Но и Протагор не сказал нам, как мысль человека может что-то знать о существовании вещей.

Платон высказал мысль о том, что источник света находится не вне человека, а в самом человеке. Тем самым Платон отклонил мысль о просвещении со стороны другого человека и поместил людей в пещеру, сославшись на необходимость самовоспламенения внутреннего света. Но Платон ничего не сказал, что нам делать, если наш внутренний свет не самовоспламеняется. Мысль Платона о свете поддержал Кант. Но как? Кант впервые рискнул разделить бытие на две части — на бытие в себе и бытие для себя. Тем самым, он превратил бытие в нереальный предикат. Кант неожиданно для самого себя открыл тему человека, ибо вынужден был отличить человеческий разум от разума вообще. Но какой ценой ему удалось это различие? Кант объявил разум человека слепым.

Проблема корреляции бытия и мысли возникла уже перед Декартом. Почему она возникла? Потому что Декарт первым и до основания разрушил тождество бытия и мысли. Он объявил бытие протяжённым, а мысль непротяжённой. Отождествить их — значит породить метафизический ужас этрусских истязаний: гниющий труп привязать к живому человеку. Перед Декартом стала неразрешимая проблема: если мысль и бытие не связаны, не одно и то же, то как различить сон и явь, ум и безумие? Декарт вообще отказался отвечать на вопрос "Что есть человек?".

Поправить Декарта решил Спиноза. Как? Он радикальным образом выкинул время и человека и оставил одну только протяжённость. Что у него получилось? У него вещи оказались не со свойствами, а с аффектами. Спинозу поддержали Шеллинг и Гегель. Гегель в "Феноменологии духа" перенёс парменидовское тождество бытия и мысли из настоящего в будущее, назвав его абсолютным знанием, то есть знанием, к которому человек не имеет никакого отношения. В свою очередь, Гуссерль сделал то же самое, что и Гегель. Только он перенёс тождество бытия и мысли в прошлое и назвал его феноменом. Гегель ради знания пожертвовал очевидным. Гуссерль ради очевидности пожертвовал знанием. Между ними застрял Хайдеггер в нерешительности. С одной стороны, он говорил, что бытие выше человечества. А с другой — признавал, что бытие производно от существования человека. Хайдеггер нарушил запрет Парменида и стал мыслить бытие во времени. Если мы выбираем время, то теряем существование. Если выбираем, как Делёз, протяжённость, то теряем человеческое в человеке. Кто выбирает очевидное, тот должен пожертвовать абсолютом. Кто выбирает абсолют, тот теряет субъективность. Таково содержание идей философии осевого времени. Сегодня это содержание похоже на старые изношенные вещи, которые хранятся на чердаке нашего сознания.

Что же было до осевого времени и что будет после него? Вот вопрос, который интересует современную философию.

СИНГУЛЯРНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Философия, которая попыталась помыслить доосевого и постосевого человека, называется сингулярной. Сингулярность — это одна единственная точка в бесконечности, в которой мир не может отличить себя от галлюцинации. Эта точка — человек. Доосевому человеку предшествовал взрыв галлюцинаций. Что оставил после себя взрыв? Наскальную живопись и человеческий сенсориум. Что такое сенсориум? Это воображаемое, не соединённое с языком, язык, не соединённый с воображаемым, случайное соединение воображаемого и языка, требующее замены либо языка, либо воображаемого, и набор органов чувств. При этом человеческий сенсориум обеспечивает отношение человека к самому себе, то есть реализуется через удвоение существования. Нечеловеческий сенсориум обеспечивает связь с вещами и избегает удвоения существования.

О чём говорят образы в пещере Ласко? Об отсутствии языка, вернее, об отсутствии говорящей головы у человека. Почему она отсутствует? Потому что ещё не совершился обмен сознания на интеллект. А жизнь уже раздвоена. В какой момент мы раздвоились? В момент, когда мы стали относиться к самим себе. Отношение к самому себе нуждается в ином сенсориуме, нежели отношение к вещам. Для того чтобы относиться к вещам, нужно быть в пространстве. Для того чтобы относиться к себе, нужно быть во времени. А что нам даёт время? Галлюцинации. То есть чтобы быть во времени, человеку нужно грезить, галлюцинировать. Что такое галлюцинация? Это время в цвете. Принадлежность к сенсориуму человеческого галлюценоза означает одно — человек всегда больше, чем один. То есть он всегда больше, чем дискретно выделенное тело. Чем больше? Галлюцинацией, в рамках которой заканчивается действие природы и начинается работа сознания. Мысль — это чувство, рождаемое в нас под влиянием галлюценоза сознания. Никакой мысли самой по себе не существует.

С чего начинается внутренняя жизнь человека? С подчинения себя своим внутренним грёзам. Субъективность — это не то, что принадлежит субъекту. Это то, чему принадлежит человек. С чего начинается внешняя жизнь человека? С дара. С бескорыстного акта одаривания себе подобных. Доосевой человек изобрел аффективный сенсориум. Что значит этот сенсориум? Это набор аффектов, который позволяет человеку передвигаться во времени, а не в пространстве. Человек движется от состояния к состоянию, а не от вещи к вещи.

Что говорят изображения в пещере Шове? То, что природа не грезит. Животные спят, но не видят сны. Они умирают, но у них нет смерти, потому что они не живут во времени. Человек спит, когда спит, и спит, когда бодрствует. Видеть сны — значит, как Иосиф, учреждать время. Но время — не история. Время рассеивает. История вяжет начала и концы. Сенсориум человека играет с видимостями, с тем, чего нет, но показывает себя в качестве того, что есть.

Доосевой человек изобрел сознание. Но сознание не приурочено к дискретно выделенному телу. Сознание — привилегия немногих. Не у всех оно есть и не всем оно нужно. Что такое сознание? Это способ расширения реальности посредством воображаемого. С чего начинается сознание? С чувства самого себя. Что делает чувство? Оно превращает то, чего нет, в то, что есть. В мире сознания всегда есть такая сторона, в которой вещи существуют только потому, что к ним относятся как к чему-то действительно существующему. Это вещи-призраки. Человек, используя свои чувства, научился быть причиной реальности.

Чем отличается постосевое время от доосевого? Постосевое время начинается со схлопывания внешнего и внутреннего в числе. Обращение к числу является способом закрытия темы человека в современной философии. В мире числовых отношений нет ни внешнего, ни внутреннего. В нём не нужна ни органика, которая грезит, ни органика, которая поглощает кислород. Для того чтобы не продолжилась разрушительная эпоха антропоцена, философии сегодня нужно научиться сохранять аффективный сенсориум галлюценоза сознания. Для чего? Для того, чтобы человек перестал обменивать сознание на интеллект.

АНТРОПОЦЕН

Эпоха антропоцена началась в головах новых натуралистов и спекулятивных материалистов, среди которых мы найдем де Кастру, Латура, Дескола, Симондона, Харауэй и других творцов, источником вдохновения которых стала делёзианская онтология. В чём суть этой онтологии? В том, что в ней время расщепляется на фрагменты, растворяющиеся в пространстве. Пространство — это всё, время — это ничто. Что это значит? Это значит, по словам Вернадского, превращение человека в геологическую силу. Поскольку эта сила не помещается в биосфере, Вернадский разместил её в ноосфере. Тем самым он отклонил мысль Бергсона о тождестве жизни и сознания. Но планетарная техника, как слон в посудной лавке, по-прежнему остаётся в биосфере и, следовательно, всё в ней крушит. Остаётся два варианта: либо человек отказывается от планетарной техники, либо планетарная техника отказывается от человека посредством числовых соотношений. В чём суть идеи антропоцена? В том, чтобы скрыть причину превращения человека в геологическую силу. Эта причина коренится в западной философии. Что нам сегодня нужно? Нужно, чтобы Запад незаметно ушёл со сцены мировой истории. Ушёл и забрал с собой онтологию вместе с философией истории. А он не уходит и упорствует в своём антиантропологизме.

Чем отличается галлюценоз сознания китайского крестьянина от греческого сознания? Доминированием внутренней жизни над внешней. Я расскажу притчу, которая нравилась немцу Вернеру Гейзенбергу и которую не понимал канадец Маклюэн. Цзыгун посмотрел на крестьянина и увидел, что тот тратит много сил на полив растений с малым, впрочем, эффектом. И предложил крестьянину построить водочерпалку, чтобы малыми силами достигнуть много. Крестьянин ответил Цзыгуну так: я не применяю машину не потому, что не знаю. Я стыжусь её применять. И далее крестьянин рассказал то, что он услышал от учителя. У того, кто применяет машину, дела идут механически. У того, чьи дела идут механически, сердце становится механическим. У кого сердце становится механическим, тот утрачивает простоту. Кто утрачивает простоту, тот не утвердится в жизни разума. Кто не утвердится в жизни разума, того не станет поддерживать путь — дао. У того прекратится внутренняя жизнь. Поэтому суть дела не в антропоцене, а в галлюценозе разумной жизни. Суть антропоцена — в техническом прогрессе внешней жизни. Во внутренней жизни есть смыслы, но нет прогресса. Сегодня эпоха господства планетарной техники ещё не закончилась.

Что говорит де Кастру? Он говорит, что сама идея иметь философию истории делает нашу цивилизацию слепой. Почему? Потому что господство времени над пространством закрывает земные рубежи, то есть отклоняет мысль о неотличимости человеческого и нечеловеческого. Что сделал де Кастру и делает Негарестани? Они сваливают вину за результаты тождества бытия и мышления с больной головы на здоровую. Де Кастру обвинил в разрушении природы Гегеля. В чём состоит вина Гегеля? В том, что он говорил о времени как истине пространства, ссылаясь при этом на схематизмы времени Канта. Что не нашли философы Запада? Они не нашли источник, который нам даёт время. Человек необратимо существо времени, а животное — существо пространства. "Кажется, — цитирует де Кастру Латура, — что всё произошло так, как будто ориентация во времени была настолько мощной, что лишала всякого шанса найти дорогу в пространстве. Именно этот глубокий переход от судьбы, основанной на истории, к исследованию того, что из-за отсутствия лучшего термина можно было бы назвать географией, объясняет устаревший характер любой философии истории". Почему устарела философия истории? Потому что если время заменяют географией, то в ней смысла нет. Она, на взгляд трансгуманистов, делает нас пространственно незрячими. Что мы не видим? Мы не видим, что на земле всё уживается со всем, что истина жизни — в симбиозе, а не во времени. Лучше, говорят новые материалисты, проложить тропинку в пространстве, чем дорогу во времени. Что это значит? А это значит, что антропоцен — это галлюцинация Запада, породившего планетарную технику. Кто совершил пространственный поворот мысли? Делёз. Но до Делёза такой пространственный поворот мысли в России совершил Циолковский. Делёз — это французский Циолковский.

Нищета современной философии начинается с веры в компост. "Я верю, — говорит Д. Харауэй, — в компост, а не в постчеловечность". Она думает, что человека можно полностью поместить в биосфере, что никакого галлюценоза сознания нет, а мир есть число.

Что же нам делать, если закончилось осевое время, и нам угрожает компостом спекулятивный натурализм? Я думаю, нужно оставаться людьми. Кто человек? Тот, кто воображает. Воображать — значит, вопреки дигитальной философии, не совпадать с самим собой. Кто не совпадает с собой? У кого есть внутренняя жизнь. Быть в позитивном согласии с собой — значит уже быть вещью. Человек не может не воображать, если он думает. Людям необходимо непрерывно расширять реальность посредством мнимостей. Для чего? Для того, чтобы быть людьми. Всем нам нужно держать связь с галлюценозом сознания, ибо в нём находится причина человеческой реальности. Таков императив философии в современном мире.

Фёдор ГИРЕНОК

наше завтра
магазин ДЕНЬ

ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ
+7 (499) 350-17-79